

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.20>

Алексеева Евдокия Кимовна

"ОБРАЗЫ ТЕРРИТОРИЙ" В СЕВЕРНОЙ ПОЭЗИИ (ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена проблеме изучения особенностей северной поэзии в контексте междисциплинарного понятия "геокультура". Данный аспект не получил должного внимания в североведении, что обуславливает новизну исследования. Особое внимание уделено геокультурному пространству стихотворных произведений поэтов-северян. Анализ поэтических текстов позволил выявить устойчивые геопространственные образы/ архетипы народов Севера, выступающие в качестве этноландшафтных маркеров. Показано, что в поэзии сочетание систем геопредставлений, символов и образов с фольклорно-мифологическими мотивами раскрывает этническую/ментальную картину мира северных тунгусов и юкагиров. Автор приходит к выводу, что этноландшафтные маркеры в настоящее время могут способствовать сохранению этнической и территориальной идентичности северян.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/20.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 110-114. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этнография, этнология и антропология

Ethnography, Ethnology and Anthropology

УДК 93/94; 397.4

Дата поступления рукописи: 30.10.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.20>

Статья посвящена проблеме изучения особенностей северной поэзии в контексте междисциплинарного понятия «геокультура». Данный аспект не получил должного внимания в североведении, что обуславливает новизну исследования. Особое внимание уделено геокультурному пространству стихотворных произведений поэтов-северян. Анализ поэтических текстов позволил выявить устойчивые геопространственные образы/архетипы народов Севера, выступающие в качестве этноландшафтных маркеров. Показано, что в поэзии сочетание систем геопредставлений, символов и образов с фольклорно-мифологическими мотивами раскрывает этническую/ментальную картину мира северных тунгусов и юкагиров. Автор приходит к выводу, что этноландшафтные маркеры в настоящее время могут способствовать сохранению этнической и территориальной идентичности северян.

Ключевые слова и фразы: «образы территорий»; северная поэзия; народы Севера; этноландшафтные маркеры; геокультурное пространство; этническая/ментальная картина мира; этническая и территориальная идентичность.

Алексеева Евдокия Кимовна, к.и.н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

Aeks07@mail.ru

«ОБРАЗЫ ТЕРРИТОРИЙ» В СЕВЕРНОЙ ПОЭЗИИ (ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Объект исследования имеет непосредственную связь с такими междисциплинарными понятиями, как «геокультура», «геокультурное пространство», которые широко используются в современных региональных исследованиях. Под геокультурой мы понимаем процесс и результат развития географических образов в конкретной культуре, а также традиции осмысления этих образов [2, с. 11-12]. «Современная геокультура» представляет собой серию «культурно-географических образов, интерпретирующих локальные геокультурные пространства» [4, с. 24]. По Д. Н. Замятину, «географический образ как система знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов» характеризует определённую территорию и может быть представлен визуально в виде изображений и письменных текстов [2, с. 13].

Творческой деятельности писателей-северян посвящено немало количество работ, их произведения в той или иной мере получили литературоведческий анализ, но изучение поэтического текста в геокультурном аспекте до сих пор остаётся недостаточно исследованным и требует нового осмысления именно с позиции проблематики, связанной с понятием «геокультура». В этом и состоит **актуальность** выбранного исследования. **Научная новизна** также обусловлена использованием (в методологическом отношении) геокультурного подхода, в соответствии с которым исследуются географические образы и символы в северной поэзии. Необходимо подчеркнуть, что поэтические произведения как один из видов письменных текстов создаются в определённом культурном пространстве, где присутствуют «образы территорий» с определёнными системами представлений и знаков.

Целью настоящей статьи являются освещение и анализ «образов территорий» в поэтических стихотворных произведениях писателей-северян в контексте геокультурного подхода. В соответствии с этим нами решаются следующие **задачи**: дать сравнительный анализ особенностей символических образов в северной поэзии; через анализ поэтических текстов выделить и раскрыть ключевые символы кочевого пространства, а также этноландшафтные маркеры эвенов, эвенков и юкагиров. Кроме того, была поставлена задача: показать, что этноландшафтные маркеры могут выступать в качестве одного из средств сохранения этнической и территориальной идентичности в условиях современного развития общества и регионов.

Материалом исследования послужили поэтические стихотворные произведения известных юкагирских писателей Гаврила Николаевича Курилова, Николая Николаевича Курилова, эвенских писателей Василия Дмитриевича Лебедева (1934-1982), Андрея Васильевича Кривошапкина, эвенкийского – Дмитрия Нестеровича Апросимова (1929-1983). С их именами связан один из этапов развития литературы народов Севера (60-е годы XX в.). На современном этапе продолжается творчество Г. Н. Курилова – Улуро Адо, Н. Н. Курилова и А. В. Кривошапкина.

Народы Севера как в материальном, так и в духовном отношении имеют тесную непрерывную связь с природно-ландшафтной средой территории проживания. Для северянина «Природа» – это родной «Дом», в котором проходит его жизненный цикл от рождения до смерти. Недаром этноэкологическая культура северных этносов, основанная на гуманном взаимоотношении человека с природой, считается уникальной. Опыт природопользования северных этносов нашел отражение в их повседневной жизни, традиционных обрядах, обычаях, верованиях. Человек Севера всегда ощущал тонкую взаимосвязь с окружающей природной системой, считая себя «*крупишкой мира*», «*хвоинкой земли*», «*гостем на земле*». Так и в творчестве писателей-северян чувствуется многогранное ощущение «Природы» как основы всего живого на Земле, гармоничного единства «Человека» и «Природы». Экологические знания северных этносов передавались через устные народные традиции: фольклор, заповеди, предания и легенды. У эвенского поэта В. Д. Лебедева есть стихотворение, посвященное *нимкалану*, мудрому старику: «*Я слышал легенды из уст нимкалана, / Мудрого старика. / Отдал / Всю долгую жизнь свою / Преданьям старинным он. / Сколько легенд, / Бродящих по свету, / От предков услышано им, / Связой поколений – / Свою эстафету / Он передал молодым*» [10, с. 77]. В современном мире стихи поэтов-северян предстают как «следы памяти». В них тонкой нитью проходит связь между прошлым и настоящим. Это своего рода воспоминания поэтов. Через их поэтические произведения мы соприкасаемся с историческим опытом северян, традициями и обычаями. Это своеобразное национальное видение мира, обусловленное генетической памятью.

В поэтических строках поэты-северяне с присущими им своеобразными художественными средствами отобразили все ландшафтные формы, звуки и краски суровой, но в то же время «слабой и беззащитной» северной природы, создавая самобытные национальные образы: «*снежные объятия тундры*», «*песцовая тунора*», «*оремучая тайга*», «*взгляд ледяных гор*», передающие духовное содержание культуры северян. Здесь хребты сравниваются со «*стадом оленей*», «*у солнца сердце мудреца*», «*ночь входит мягким мехом чернобурки*», тайга сурова, но в ней «*застенчивая нежность*». Через мировосприятие и мироощущение поэта, через его национальное самосознание выстраивается этническая картина мира. И наоборот, создавая свое произведение, поэт опирается на мировосприятие и мироощущение родного народа. Согласимся с утверждением Д. Н. Замятина, что модели определенного географического пространства есть «территории, воспринимаемые и наблюдаемые через “призму” культуры, социокультурных ценностей, знаков и символов, которые тесно связаны с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства» [3, с. 36].

Анализ стихотворных поэтических произведений показал, что главными объектами, атрибутирующими северный ландшафт, выступают мифологемы реки, горы, образы-концепты солнца, дерева, оленя, кочевника и др. Наряду со сходствами ключевых образов можно выделить и главные отличительные черты поэтических ориентиров писателей-северян. Так, для представителей эвенской и эвенкийской поэзии свойственны символы таёжного кочевого пространства: тайга, гора, река, олень (В. Д. Лебедев: «*Сон тайги*», «*Хребты Верхоянские*», «*Белый олень*», «*Оран*»; А. В. Кривошапкин: «*Мои горы*», «*Горы и солнце*», «*Речонка малая бурлит*», «*Был бы рядом мой олень*», «*Священный олень*»; Д. Н. Апросимов: «*Камни*», «*Горы*», «*Ручей*»). Образ тайги – это пространство, в котором сконцентрирована семантика родного / своего / не чужого. Исторически жизнедеятельность северных тунгусов протекала в системе горно-таёжного ландшафта, где основными объектами являются горные возвышенности, реки, берущие свое начало в горах. Все это наложило свой отпечаток на формирование этнической/ментальной картины мира тунгусоязычных этносов.

Для юкагирских поэтов характерны образы-символы иного кочевого пространства: тундра, озеро, олень (Г. Н. Курилов: «*Влюбленные в тундру*», «*Озеро*», «*Мои резвые олени*»; Н. Н. Курилов: «*Цветы тундры*»). Связующим звеном всей северной поэзии является олень как символ духовной категории.

Объекты/образы географического пространства выступают этноландшафтными маркерами того или иного этноса. В данном случае для северных тунгусов маркерами выступают объекты горно-таёжного пространства, для тундренных юкагиrow – пространство тундры.

Отметим, что в стихотворных произведениях северных поэтов фигурируют объекты того геокультурного пространства, в котором протекало их детство, отрочество, юность, где они набирались жизненного опыта. Здесь их предки слагали легенды и предания, которые передавались из поколения в поколение. Так, у В. Лебедева находим такие строки: «*Человек похож на край, где вырос, / Где открыл глаза впервые. / Так и я живу на белом свете, / Поверяя душу Верхоянью*» [10, с. 75]. Через геоландшафтные образы-символы поэты-северяне передают свою ментальную и духовную неразрывную связь с родной стихией. Известно, что территория проживания является одним из признаков этнической идентичности народа. В культурной памяти этноса своя территория устойчиво ассоциируется с образами исторического и географического пространства, сформировавшимися в течение длительного времени. Образы «своего/родного» геоландшафта наделялись северянином своеобразными символами, семантической нагрузкой. Примечательно, что эти образы-символы не дробят обширное северное пространство, а, напротив, помогают собрать его воедино. Это то пространство, которое было освоено предками северных этносов хозяйственно и ментально.

На отдельных примерах рассмотрим ключевые геоландшафтные образы и символы, отраженные в поэзии Севера: гора, тайга, тундра, водные просторы (река, озеро), а также образы-концепты: кочевник, олень.

Пространственная доминанта «Гора». Ландшафтное предпочтение северных тунгусов (эвенков и эвенков) как жителей горно-таежной зоны базируется на первичном природно-ландшафтном архетипе «гора-тайга». В настоящее время они продолжают оставаться органическим целым этого ландшафта, наделяя его сакральными символами и образами. В эвенковской и эвенкийской поэзии основное место занимает образ «Горы». Так, в одном из стихотворений В. Лебедева читаем: *«Я ощутил себя единым / С хребтами, / С деревом / И дымом, / И было сладко сознавать, что эта связь нерасторжима»* [Там же, с. 203]. «Гора» как «своя/родная» территория фигурирует и в поэтическом пространстве А. В. Кривошапкина: *«О, далекие горы мои, Верхоянье мое / Нашей родины вечной ты лишь небольшой уголок... / Я люблю мои горы, и что б ни случилось со мной – / Я храню их в душе, и навеки я ими храню»* [9, с. 100] или *«Мои горы, / Стихия и сила, / Я крупинка, / Ваш крошечный сын»* [6, с. 61]. Эвенковские поэты, осознавая себя как часть горно-таежной экосистемы, выражают свою духовную связь с ее географическими объектами, наделяя их оберегающим статусом.

Вообще в жизненном пространстве тунгусов («Горы») играли роль ориентира в системе горно-таежного пространства. В практике охотничье-оленьеводческого хозяйства они выступали тем центром, вокруг которого вели свою жизнедеятельность кочевые группы.

Согласно анимистическим представлениям тунгусоязычных этносов, «Горы», как и каждый природный объект, явление природы, имели своих духов-хозяев – *муран* (эв.), *мусун* (эвенк.). Самые высокие горы всегда почитались. Считалось, что они обладают огромной силой, внутренней энергией, и наделялись сакральными свойствами. Глубокий смысл этого символизма, видимо, заключается в том, что высокие горы в представлениях эвенков и эвенков имеют тесную связь с «Небом», с наивысшим божественным светилом – «Солнцем». Некоторые группы эвенков считают хозяином горы снежного барана – *уямкана*. В традиционных ритуальных обрядах эвенки (например, ламунхинская группа эвенков Якутии) использовали ложку, изготовленную из рога барана. Считалось, что такая ложка обладает особой магической силой. Это объяснялось тем, что *уямканы*, как обитатели горных вершин, ближе из всех земных существ к верховному божеству – «Солнцу», что придает им энергетическую силу. В стихотворении В. Д. Лебедева «Песня уямкана» наглядно показана духовная близость горного барана к небу, солнцу: *«Скачу по тропе, / Что летит в небеса, / И сияняя бездна мне дышит в глаза. / И каждая жилка / Звенит тетивой. / И солнце летит / Над моей головой. / Я первым / Луч солнца / Ловлю на рога»* [10, с. 205].

Для северных тунгусов характерно давать географические названия горным возвышенностям (горе, сопке, скалам, холмам) в соответствии с их внешними признаками, с аналогией их рельефа с теми или иными предметами традиционного быта, анатомическими особенностями человеческого тела или животного. Например, ороним *Хөрөгөндөэ* в переводе с эвенковского языка означает *«Большущий палец»*, смысловой перевод данного оронима – *«Гора, находящаяся в отдалении от других гор, как большой палец от других пальцев»*. Северная поэзия также полна образами, в точности передающими внешние признаки природных объектов. Так, хребты сравниваются с *«черными оленями»*, у скал *«морицинистые лбы»*, *«гряда, словно птиц караван, устремляется в небо»*.

Таежные кочевники большую часть времени проводили вне своего временного жилища (тунгусский чум – *илуму*), поэтому «Тайга» для них считалась «вторым домом». Это пространство жизнедеятельности и жизне-существования кочевника. Таежное пространство наделялось ими семантическими значениями. Как было указано выше, каждый природный объект имел своих духов-хозяев, которые чаще всего представлялись в антропоморфном облике (женский или мужской образ), а также могли иметь и зооморфный образ (образ медведя, волка). Дух-хозяйка тайги у тунгусов имеет женский образ и считается наиболее древней, представляющей собой пласт тунгусской охотничьей культуры. В зоне пограничья эвенков и эвенков с якутами существует представление духа-хозяина тайги и охоты в виде старца *Байанай*, что можно объяснить поздним влиянием представления якутов на мировоззрение северных тунгусов. Образы духов-хозяев местности имеют начало в мифах, сказках, легендах, которые легли в основу творчества поэтов-северян.

Образ тундры. «Тундра» как основной геоландшафтный объект чаще всего воспевается в поэтическом творчестве юкагирских писателей-поэтов Г. Н. Курилова и Н. Н. Курилова. Через систему географических образов тундры они передают мироощущение и мировосприятие своего народа. Так, Н. Н. Курилов тундре противопоставляет тесную тайгу: *«Тайга для меня тесновата, / И я ей, конечно, чуждой... / И неба над ней маловато, / И сомкнуты ели стеной, / Здесь ветру протиснуться трудно, / Олень не оставит здесь след... / А тундра – есть всё-таки тундра, / Её необъятнее нет»* [8, с. 65]. Как справедливо отмечает Е. Н. Романова, пространство тундры – это «топос бескрайнего белого безмолвия, тишины как сакрального говорения, источник вдохновения, квинтэссенция северной философии» [11, с. 13].

Как было отмечено выше, образ «Тундры» с многочисленными озерами выступает одним из этноландшафтных маркеров тундренных юкагиров: *«Небольшое озеро / И туман над ним – / Будто бы старушка курит перед сном: / Выдыхает легкий синеватый дым, / Не спеша проститься с уходящим днём»* [7, с. 31]. В стихотворении Г. Н. Курилова, посвященном Озеру, воссоздается ситуация тоски по родному краю, герой «при встрече с озерной рекой» находит утешение и очищение, озеро ассоциируется с матерью: *«Я склоняюсь – и вздрагивают мои губы, / Наконец-то встречаюсь с озерной водой, / В мелких брызгах лицо мое... / Что это значит? / Не понять мне в сиянии белого дня – / Я ли плачу, друзья, или озеро плачет, / Слово мать, ожившая долго меня?»* [8, с. 46]. Священное озеро нижнеколымских юкагиров *Юколэл Улуро* поэт сравнивает

с Вселенной. Уважительно называя «юной красавицей», он обращается к его живительной силе с просьбой похоронить горе людское и сохранить родной очаг [7, с. 15]. Ситуация встречи с озером наблюдается в фольклорно-мифологической традиции юкагиров, где данный природный объект выступает символом мудрости. Следует отметить, что псевдоним поэта Г. Н. Курилова – Улуро Адо – в переводе с юкагирского языка означает «Сын озера».

Улуро Адо в своих стихах часто использует приемы очеловечивания, одухотворения явлений природы тундры, окружающего мира. В его стихах духи природных явлений являются в виде «старцев», «бабушек», «дедушек»: «*И я вижу, как древний старик / Мне навстречу идет от стоянки / И, в лицо мне уставясь, смеётся / Станным смехом, похожим на крик*» [8, с. 44] или «*И бабушка тундра дыханье утратит...*» [7, с. 33]. Антропоморфные образы духов-хозяев природы являются также традиционными в мировоззрении юкагиров. Тундра, лес, конкретное место на земле имели своих хозяев – *Погилтэ*, но все они считались подчиненными по отношению к хозяину Земли – *Лэбиэн-Погиль* [5, с. 212].

Если ранее роль посредника между людьми и духами-хозяевами принадлежала родовому шаману, то в настоящее время охотники-оленоводы ведут диалог с духами напрямую. Через стихотворение «Земля предков» А. В. Кривошапкин передает традицию уважительного, почтительного отношения северян к Духу земли: «*Наши предки край отцов любили, / Лес и горы свято берегли. / Уходя в тайгу, огонь кормили, / Чтобы помогал им Дух земли. / И с охоты дальней возвращаясь / В родовое крепкое жилье, / К этому же Духу обращали / Первое приветствие свое*» [6, с. 6]. Основными способами отношений с духами являются жертвоприношение, подношение дара, умиловивление духов через кормление огня, мысленное или словесное обращение-просьба или обращение-благодарность.

Образ реки как движение, взаимосвязь. Знаковые реки выступают мифопоэтическим стержнем произведений писателей-северян (Г. Н. Курилов: «*Нявайнадану*» (река Белого Волка), «*Милая Лабунмэдэну*» (юкагирское название реки Большая Чукочьа); В. Д. Лебедев: «*Индирикка*», Д. Н. Апросимов: «*Большой камень*»).

Река в целом как знаковая система реализует символы движения, взаимосвязи: «*В тиши течет Алдан-река / Со звоном волн стеклянным. / Дорога кочевая шла / Вот здесь зимой и летом*» [10, с. 229]; «*...К морю, на север течет Индирикка-река*» [Там же, с. 203]. В традиционной культуре народов Севера реки играли роль главных пространственных ориентиров. Так, эвены, эвенки и юкагиры, выполняя схемы местности, чаще ориентировались относительно направления главной водной артерии, важным средством ориентации при этом выступали географические названия природных объектов.

Река всегда почиталась северными народами. Духи рек также имели антропоморфный образ. Чаще всего они представлялись в женском образе в виде «бабушки» (например, «*Индирикэ-упэ*»).

В космогонических представлениях северных тунгусов важным элементом сакральной топографии Вселенной являлась воображаемая река-эндекит, выполнявшая функцию Мирового дерева, соединяя верхний, средний и нижний миры. В еще более поздних вариантах связующей нитью трех миров выступала шаманская река, играющая роль «дороги-пути» шамана в системе Мироздания. Исток этой реки находился в верхнем мире, а устье – в нижнем.

Образы кочевника, оленя. Круг кочевого пространства в северной поэзии вбирает в себя ряд концептов, куда в первую очередь входят образы «Кочевника» и «Оленя». Очевидно, что для народов Севера «Кочевник» воплощал в себе ключевой символ кочевого пространства. Если у В. Д. Лебедева, А. В. Кривошапкина, Д. Н. Апросимова одним из концептуальных образов является «Тажный кочевник», то у Г. Н. Курилова и Н. Н. Курилова таковым является «Кочевник тундры».

Концепт КОЧЕВНИК – понятие глубинное, органичное, родовое. Путь кочевника в историческом пространстве ограничен, но в этническом ракурсе остается актуальным во все времена: «*Эвен. / Он шел по тропе предков, / и жил по законам отцов...*», «*Хотя сквозь дали многих лихолетий / тропил порой нелегкие кочевки*» [9, с. 99]; «*Я знаю – / и в дождь, / и в колючий снег / тайгу исходил ты, друг... / Сквозь дикие дебри лез. / Там вместе с оленем ты ждал рассвет...*» [10, с. 201]. В вечном движении «Кочевник» создает свое пространство, где каждый природный объект одухотворен и почитаем.

Образ кочевника тесно связан с образом «Оленя». Так, В. Д. Лебедев обращается к оленю: «*Ты – мой дом, / Ты – моя пища, / Ты – мой друг, / Ты – моя одежда, / Ты – моя надежда*» [Цит. по: 9, с. 83]. Анализ традиционной жизнедеятельности тунгусов показывает, что жизненное пространство кочевника организует ритм «Оленя» как в хозяйственном, так и в ментальном отношениях. «Олень» как путевая стратегия выстраивает модель освоения северного пространства.

В религиозно-мифологических представлениях «Олень» выступает как первопредок, верховное божество, с которым связана вся жизнь рода и отдельного человека [1, с. 12]. В северной поэзии это северное животное имеет святой образ. А. В. Кривошапкин сравнивает его с «*божественным чудом на земле, небесным даром*». У эвенов-оленоводов есть предание о белом олене – *хэвэке/кудъае*, который считается священным животным, приносящим счастье. Священному оленю посвящено стихотворение В. Д. Лебедева «Белый олень»: «*В стаде оленем рождается редко / Олень белее снежной земли, / Священный олень. / Его мои предки, / Как символ света, берегли*» [Цит. по: 9, с. 73]. *Хэвэке/кудъай* считается покровителем человека, семьи, рода и оленьего стада. Если прежде посвященного оленя выбирали шаманы, то сейчас их выбирают почитаемые старики.

Жизнь тундренных людей также не представляется без оленя. Он – главный герой поэзии Г. Н. Курилова, ему суждено «*тундру вечно согреть, сильными рогами подпирать небо*».

Заключение. Итак, проведенный сравнительный анализ поэтических текстов писателей-северян показал, что ключевыми геоландшафтными образами и символами кочевого пространства северных тунгусов и юкагиров выступают мифологемы реки, горы, озера, образы-концепты солнца, неба, земли, дерева, оленя, кочевника. Поэтические ориентиры поэтов-северян подтверждают тот факт, что в культурной памяти этноса своя территория устойчиво ассоциируется с образами исторического и географического пространства, сформировавшимися в течение длительного времени. Так, для стихотворных поэтических произведений эвенских и эвенкийских поэтов свойственны символы горно-таежного ландшафта, где в образе тайги сконцентрирована семантика «родного/своего». Для произведений юкагирских поэтов характерны образы-символы иного кочевого пространства, где главными объектами, атрибутирующими ландшафт, выступают образы тундры. А связующим звеном всей северной поэзии является образ-концепт оленя как символ духовной категории и объединяющий символ народов Севера.

Северный ландшафт остается тем пространством, которое было освоено предками северных этносов хозяйственно и ментально, здесь мир людей и духов составляет единое целое. Он играет ключевую роль в повседневной жизни этноса как в материальном, так и в духовном отношениях. Все это в совокупности с эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства наложило свой отпечаток на формирование этнической/ментальной картины мира эвенов, эвенков и юкагиров. Северная поэзия, где мы видим гармоничное сочетание систем геопредставлений с фольклорно-мифологическими мотивами, также наглядно раскрывает этническую/ментальную картину мира исследуемых этносов.

Необходимо отметить, что этноландшафтные маркеры (у северных тунгусов географические образы-архетипы Гора/Тайга/Река; у юкагиров – Тундра/Озеро) сыграли определенную роль в становлении этнических и территориальных идентичностей исследуемых народов и могут способствовать их дальнейшему сохранению. Этническая и территориальная идентичности сохраняют связь с этносом, малой родиной, формируя ответственность этнических групп за саморазвитие и самореализацию на конкретной территории, а также за развитие этих территорий, что играет немаловажную роль в условиях современных глобализационных процессов. Данная проблема требует дальнейших исследований на региональном или локальном уровне.

Список источников

1. **Алексеева Е. К.** Геопространственные образы в культуре северных тунгусов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 12. Ч. 3. С. 10-13.
2. **Замятин Д. Н.** Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11-23.
3. **Замятин Д. Н.** Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
4. **Зеленев Е. И.** Геокультурное пространство и геокультурные поля: теория вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. № 1. С. 19-28.
5. **Иохельсон В. И.** Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
6. **Кривошапкин А. В.** Земля предков / пер. с эв. В. Федорова. Якутск: НИПК «Сахаполиграфиздат», 1995. 112 с.
7. **Курилов Г. Н. (Улуро Адо)** Избранное: стихотворения, поэмы, рассказы, эссе, публицистика. Якутск: Бичик, 2013. 352 с.
8. **Окорокова В. Б.** Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. 176 с.
9. **Петрова С. М.** Эвенская литература в школах Республики Саха (Якутия): учеб. хрестоматия. СПб.: Просвещение, 1994. 175 с.
10. **Под полярной звездой:** сб. произведений русских, якутских, эвенкийских, эвенских и юкагирских писателей Якутии XX века. Якутск: Бичик, 2000. 256 с.
11. **Романова Е. Н.** Север в биографическом нарративе (опыт автоэтнографии) // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект. Якутск: АГИКИ, 2015. С. 13-15.

“TERRITORY IMAGES” IN THE NORTHERN POETRY (GEO-CULTURAL ASPECT)

Alekseeva Evdokiya Kimovna, Ph. D. in History
*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
Aeks07@mail.ru*

The article considers the peculiarities of the northern poetry in the context of the interdisciplinary concept “geo-culture”. This problem has not been previously investigated in the North studies, which conditions originality of the research. Special attention is paid to the category “geo-cultural space” in the northern poetry. The analysis of the poetical texts has allowed identifying stable geo-spatial images/archetypes of the northern peoples, which also serve as ethno-landscape markers. It is shown that the northern poetry, combining geo-conceptual systems, symbols, images and folkloric mythological motives, reveals the ethnic/mental worldview of the northern Tungus and Yukaghirs. The author concludes that ethno-landscape markers can help to preserve ethnic and territorial identity of the northern peoples.

Key words and phrases: “territory images”; northern poetry; northern peoples; ethno-landscape markers; geo-cultural space; ethnic/mental worldview; ethnic and territorial identity.